

Снова взяв Чжэнь Цюна за руку, он прищурился и с улыбкой сказал:

— Брат, ты действительно эрудирован, похоже, нет ничего, что могло бы тебя поставить в тупик. Пойдём со мной вниз, посмотрим библиотеку.

Что посмотреть? Эта мысль только мелькнула в голове, как тёплая рука крепко обхватила его предплечье. Сердце Чжэнь Цюна забилось быстрее, и он снова почувствовал жар.

Нет, нельзя паниковать. Он ведь уже помылся, несколько раз, использовал много банных бобов, он чистый, белый и гладкий. Подождите, а взял ли он с собой флакон с глицерином? В панике Чжэнь Цюн чуть не полез в карман, чтобы проверить. Хотя он не знал, для чего нужен глицерин, но старшие братья говорили, что лучше взять его с собой...

Голова его была полна путаных мыслей, и он, спотыкаясь, последовал за Хань Мяо вниз.

Библиотека находилась недалеко от смотровой башни, но Чжэнь Цюн успел покрыться потом. Однако, как мужчина, он не мог показать свою слабость. Поэтому, немного успокоившись, он постарался выглядеть уверенно, даже когда увидел человека у дверей библиотеки.

Хань Мяо почувствовал, как рука, которую он держал, дрожала ещё сильнее, и внутренне усмехнулся. Неужели он догадался? Его тщательно подготовленный «сюрприз», скорее всего, не разочарует этого даоса.

Не позволив слугам открыть дверь, Хань Мяо сам вошёл в библиотеку, ведя Чжэнь Цюна к письменному столу. Остановившись, он отпустил всё ещё слегка дрожащую руку и жестом пригласил:

— Брат, взгляни.

На что? Чжэнь Цюн невольно посмотрел. На столе лежала ткань, под которой что-то было спрятано, но что именно, было невозможно разглядеть. Однако в следующее мгновение рука потянулась к ткани и аккуратно её откинула.

Перед Чжэнь Цюном предстала ослепительная гора серебра. Аккуратно сложенные серебряные слитки сверкали в свете свечей, почти ослепляя.

— Это... это... — Чжэнь Цюн был ошеломлён. — Откуда столько серебра?!

С лёгкой улыбкой Хань Мяо произнёс:

— Сегодня Новый год, и я должен выполнить своё обещание. Я взял одну десятую прибыли из счёта и обменял её на серебро. Здесь восемьсот лян.

Его голос был спокоен, даже с оттенком улыбки. Но Чжэнь Цюн чувствовал, что у него вот-вот случится сердечный приступ, он едва мог дышать!

Восемьсот лян! Это сто шестнадцать тысяч восемьсот монет! Даже если пересчитать в полные тысячи, это больше тысячи ста шестидесяти связок и ещё восемьсот монет! Почему ему дали так много? И что за одна десятая прибыли? Даже самые выдающиеся мастера алхимии династии Великая И редко получали больше восьми процентов, а ему дали десять!

Увидев, что даос почти задыхается, Хань Мяо улыбнулся ещё шире:

— Это только доля от прибыли с белого сахара. Когда в следующем году откроется магазин

духов, будет ещё больше доходов. Я по-прежнему буду отдавать тебе одну десятую, без обмана.

Эти восемьсот лян, конечно, были дополнены им до круглой суммы. Но даже так, это была огромная сумма. Ведь белый сахар продавался всего несколько месяцев, и такая прибыль была достигнута благодаря его умелому управлению. Одна десятая доля, конечно, была немаленькой.

Теперь магазин приправ семьи Хань уже закрепился в Восточной столице, и даже несколько фирм, торгующих сахарным инеем, стали закупать у них. Конечно, были те, кто пытался выведать секрет нового сахара, но магазин и так торговал различными видами сахара, а также владел плантациями сахарного тростника, так что пока никто не смог раскрыть тайну превращения каменного мёда в белый сахар. Однако, когда их интересы столкнутся с интересами сахарных гильдий, неизбежно возникнут трения, и возможно, поставки сырья будут ограничены, так что доходы в следующем году будут зависеть от урожая на плантациях.

Но по сравнению с готовящимися к выпуску духами, это было не так важно. Сахар требовал много времени и усилий, а также постоянного расширения рынка, чтобы получить большую прибыль. Но духи, упакованные в стеклянные флаконы, не требовали таких усилий. Их можно было продавать легко, и доходы были огромными. Более того, их рецепт никто не мог украсть. Когда в Восточной столице откроется новый магазин, годовая доля прибыли будет намного больше, чем несколько сотен лян.

Хань Мяо знал, что Чжэнь Цюн не особо заботится о деньгах, но он должен был отдать ему то, что положено. Он надеялся, что этот «сюрприз» поможет удержать даоса.

Взгляд Хань Мяо был искренним и открытым. Уже потрясённый, Чжэнь Цюн почувствовал головокружение, его лицо покраснело, и он дрожал, прежде чем смог выговорить:

— Кон... контракт?

Если к нему так относятся, то зачем думать о чём-то ещё? Нужно скорее подписать контракт!

Однако, услышав это, Хань Мяо лишь улыбнулся и покачал головой:

— О контракте не стоит беспокоиться. Я отношусь к тебе как к родному брату, доверяю и уважаю тебя, зачем нам эта грязная бумага?

Подождите? Чжэнь Цюн замер. Что происходит? Ему собираются дать невероятно огромную долю прибыли, а контракт даже не подписывают?

Голова его пошла кругом, и он, запинаясь, спросил:

— Тогда... тогда я в доме Хань...

— Брат, не беспокойся, я, как и раньше, буду обеспечивать тебя всем необходимым для еды, одежды и занятий алхимией, — сразу же заверил его Хань Мяо.

Как и раньше? Чжэнь Цюн окончательно запутался.

Разве ты не жаждал моей красоты? Почему вдруг всё изменилось?

— Брат? Цюнь? — Увидев, что Чжэнь Цюн потерял дар речи, Хань Мяо слегка нахмурился и тихо позвал, — Эти деньги нужно отнести тебе? Или оставить на счёте...

— Отнести! Отнести! — Чжэнь Цюнь вдруг оживился.

Действительно, только серебро могло вернуть его в чувство. Хань Мяо с улыбкой покачал головой, остановив даоса, который хотел схватить серебро:

— Эта гора серебра весит несколько десятков цзиней, как долго ты будешь её носить? Эй, люди, отнесите серебро даосскому наставнику Чжэню.

Чжэнь Цюнь хотел что-то сказать, но Хань Мяо уже улыбнулся:

— Теперь ты спокоен? Дела закончены, пойдём есть суп с клёцками.

Запутавшись в потоке распоряжений, Чжэнь Цюнь в полной растерянности снова позволил Хань Мяо отвести себя в главный зал. Увидев их, старая госпожа Хань улыбнулась:

— Вы видели фейерверки? Главная ветвь каждый год тратит сотни лян на фейерверки, это действительно потрясающее зрелище.

Зная, что Чжэнь Цюнь немного не в себе, Хань Мяо с улыбкой ответил за него:

— Конечно, видели. Такое зрелище можно сравнить разве что с праздником фонарей в Восточной столице.

Услышав о празднике фонарей, старая госпожа Хань, казалось, вспомнила что-то, и её лицо смягчилось:

— Когда Ся сдаст экзамены и станет цзиньши, мы все вместе поедem в Восточную столицу и поживём там пару лет.

Бабушка, видимо, не знала, что после получения звания цзиньши нужно было отправиться на службу в провинцию. Однако Хань Мяо не стал её поправлять, лишь с улыбкой согласился. Его дед и родители ушли из жизни один за другим, и бабушке было нелегко. Теперь у неё появилась новая надежда, и это было хорошо.

Услышав это, старая госпожа Хань ещё больше обрадовалась и с улыбкой предложила Чжэнь Цюню сесть:

— Скоро полночь, я приказала приготовить суп с клёцками, его скоро подадут.

Чжэнь Цюнь всё ещё не мог прийти в себя, и старая госпожа Хань, увидев это, тоже рассмеялась:

— Ся в детстве, увидев фейерверки, тоже был таким.

Хань Ся смущённо произнёс:

— Это было давно, старая госпожа, не смейтесь надо мной.

Все в зале рассмеялись, Чжэнь Цюнь попытался улыбнуться, но это ему не удалось. Восемьсот лян серебра были у него в руках, и он мог бы даже построить свою алхимическую лабораторию, не делаясь с кем-то постелью. Но почему он не чувствовал той радости, которую ожидал?

— Суп с клёцками подан, ешьте не спеша.

Перед ним поставили миску, и знакомое улыбающееся лицо появилось перед глазами.

Чжэнь Цюн невольно взял палочки, поднял широкую лапшу и положил её в рот. Новогодний суп с клёцками, конечно, был из баранины, густой бульон, мягкие куски мяса, с несколькими видами овощей, полная миска. Возможно, добавили перец или плоды дерева чжу, был лёгкий острый вкус. Однако Чжэнь Цюн ел без удовольствия, просто заглатывая еду, словно голодный волк.

— Ешь больше, даосский наставник, тебе нужно быть упитанным, — старая госпожа Хань съела всего пару кусочков и больше не притрагивалась к еде. Ей больше нравилось смотреть, как молодёжь ест с аппетитом.

Незаметно время подошло к полуночи. Раздался грохот фейерверков, и даже в главном зале усадьбы стало шумно. Хань Мяо лично взял бамбуковые трубки, наполненные селитрой, и бросил их в огонь, создавая оглушительный грохот. Слуги же, держа бамбуковые палки с привязанными монетами, стучали по пеплу, бросая в него бумажные фигурки, чтобы изгнать злых духов и попросить благословения на Новый год.

<http://bllate.org/book/16827/1547296>